

В декабре 1942 г. западные союзники задумали провести встречу на высшем уровне с участием Сталина. Советский лидер отклонил приглашение, сославшись на занятость военными делами. Англо-американская конференция прошла в январе 1943 г. в Касабланке. Информирова Сталина о принятых решениях, Рузвельт и Черчилль сообщали следующее: «Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта... Ближайшая цель — очистить Северную Африку от сил держав оси, а также концентрация сил и средств в Англии для подготовки на континенте Европы»⁵⁴. 30 января в ответном послании Сталин подчеркивал: «Понимаю принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в 1943 г.»⁵⁵. В этой уверенности Сталин будет пребывать до мая 1943 года.

Февраль 1943 г. был ознаменован завершением Сталинградского сражения, а также достаточно скромными успехами союзников в Северной Африке. В послании Сталину от 9 февраля Черчилль вновь заверил: «Мы также энергично ведем приготовления, до предела наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе»⁵⁶. В этих условиях, действуя самостоятельно, Майский в беседе с Иденом поставил вопрос о пересмотре решений, принятых в Касабланке, с целью ускорения принятия решения об открытии второго фронта. Будучи глубоко штатским человеком, он даже предложил свой план переброски британских войск из Северной Африки на Британские острова для удара через Ла-Манш. Правда, КНШ признал этот план «непрактичным».

30 марта 1943 г. Черчилль сообщил Сталину о новой приостановке северных конвоев до августа, ссылаясь на нехватку тоннажа⁵⁷. Это послание, с которым Майского ознакомили заранее, произвело на него «прямо потрясающее впечатление». Не имея инструкций из Москвы, Майский говорил премьеру: «... в чем же выражается Ваша помощь нам в общем деле? Ни второго фронта, ни снабжения... Какие это союзники?»⁵⁸

В Лондоне ожидали «жесткого» ответа Сталина. Но к удивлению и Черчилля, и Майского ответ Сталина был спокойным и «мягким». В этой связи составители публикации переписки трех лидеров отмечают: «Хотя Сталин и Майский на сей раз действовали не сговариваясь, их шаги удачно дополнили друг друга: посол растревожил Черчилля и напугал его предстоящей советской реакцией, а Сталин своим сдержанным и стоическим ответом тронул премьера до глубины души, подтолкнув его на встречные уступки»⁵⁹.

Майский сам был удивлен дипломатическим искусством Сталина. Он записал в «Дневнике»: «Сталин поступил очень умно! Он не выразил ни негодования, ни раздражения. Но просто констатировал решение Рузвельта и Черчилля о приостановке конвоев... Черчилль был потрясен»⁶⁰. 5 апреля на заседании Кабинета Черчилль назвал ответ Сталина «мужественным»⁶¹.

Судя по архивным документам, во внешнеполитическом ведомстве СССР допускался известный плюрализм мнений при обсуждении проблем внешнеполитического планирования. Но в определенных рамках, выход за пределы которых был чреват негативными последствиями. Очевидно, Майский, предлагая без согласия Москвы, создание комиссии во главе